

Глава 1

Летом, когда мне исполнилось шестнадцать, в наш город приехал Странствующий Цирк Вампиров.

Я узнал о нем от двух моих лучших друзей, Расти¹ и Слим².

Расти на самом деле звали Расселом, и он это имя ненавидел.

Слим звали Френсис. Она терпела, когда так ее называли родители и учителя — но не другие дети. «Френсис — это говорящий мул»³, — говорила она. Ответ на вопрос, как же она хочет называться, зависел чаще всего от того, что она в тот момент читала. Она могла ответить «Нэнси»⁴ или «Холмс», «Скаут», «Зок» или «Фиби»⁵. Прошлым летом она требовала, чтобы ее называли Дэгни⁶. Этим летом она стала Слим. Я предположил, что она взялась за вестерны. Но не стал спрашивать.

Меня, кстати, зовут Дуайт⁷, в честь Верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Европе. Президентом он стал уже после того, как я родился и получил имя.

¹ *Rusty* (англ.) — ржавый.

² *Slim* (англ.) — худой.

³ Говорящий мул Френсис (англ. *Francis the Talking Mule*) — герой книг Дэвида Стерна и комедийных фильмов 1950-х годов.

⁴ Нэнси Дрю — девушка-детектив, героиня книг для детей и подростков, написанных рядом авторов под псевдонимом Кэролин Кин.

⁵ Фиби Деринг — героиня детективного романа Фрэнка Баума «Фиби Деринг: история для юношества» (англ. *Phoebe Daring: A Story for Young Folk*).

⁶ Дэгни Таггарт — одна из героинь романа Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» (англ. *Atlas Shrugged*).

⁷ Дуайт Эйзенхауэр — американский государственный и военный деятель, генерал, полководец Второй мировой войны, 34-й президент США.

Так вот, стояло жаркое августовское утро, до школы оставался еще целый месяц, а я возился перед домом, постригая лужайку механической газонокосилкой. Мы, наверное, были единственной семьей в Грендвилле, у которой не было бензиновой косилки. Не то чтобы мы не могли ее себе позволить. Мой отец был начальником городской полиции, мать преподавала английский в старшей школе. Так что у нас было достаточно денег, чтобы купить хоть бензокосилку, хоть даже *садовый трактор* — было бы желание. Вот только отец не желал этого делать. Задолго до того, как появилось выражение «шумовое загрязнение», отец делал все от него зависящее, чтобы бороться с этим, как он выражался, «ужасающим стрекотом».

И вообще, он был против любого устройства, которое могло хоть сколько-нибудь облегчить жизнь мне или двум моим братьям. Он хотел, чтобы мы знали, что такое тяжелый труд, пот и страдание. Он пережил Великую депрессию и Вторую мировую войну, так что о страданиях знал немало. Он считал, что «нынешние дети получают все слишком легко», — и очень старался сделать наши жизни посложнее.

Поэтому, когда пришли Расти и Слим, я, обливаясь потом, толкал косилку.

Начинался один из тех серых дней, когда солнце проглядывает лишь смутным мерцанием сквозь облака, а по запаху в воздухе угадывается надвигающийся дождь, и остается только желать, чтобы он поскорее уже начался, потому что вокруг чертовски жарко и душно.

Еще раньше я снял футболку и, когда увидел направляющихся ко мне Расти и Слим, почувствовал себя неуютно без нее, что было несколько странно, учитывая, сколько времени мы проводили вместе, щеголяя в одних плавках. У меня возник порыв поскорее взять футболку с крыльца и надеть ее. Но вместо этого я остался на месте и дождался друзей, стоя в одних джинсах и кедах.

— Привет, ребята, — окликнул их я.

— Шурудишь потихоньку? — поприветствовал меня Расти. Это был, конечно же, пошловатый намек, одна из любимых его дурацких шуточек.

— Да не то чтобы... — ответил я.

— Трудишься из последних сил, да?

Мы со Слим наморщили носы.

Потом Слим поглядела на мой покрытый потом торс и сказала:

— Сейчас слишком жарко, чтобы заниматься лужайкой.

— Скажи это моему отцу.

— Дай мне только до него добраться!

— Он на работе.

— Легко отделался, — хмыкнула Слим.

Мы все улыбнулись, зная, что она шутит. Ей нравился мой отец — ей вообще очень нравились мои родители, хотя она и не была в восторге от моих братьев.

— Так что, долго ты еще будешь возиться с косилкой? — спросил Расти.

— Я могу сделать перерыв. Только надо все закончить до того, как отец вернется с работы.

— Тогда пошли с нами, — позвала Слим.

Я быстро кивнул и побежал через газон к крыльцу. Дома никого больше не было: отец на работе, мать отправилась в еженедельную поездку за покупками, а мои братья (один женатый, один — нет) уже с нами не жили.

— Сейчас вернусь, — крикнул я через плечо, взлетев на крыльцо.

Я схватил футболку, заскочил в дом и взбежал по лестнице в свою спальню.

Футболкой я отер пот с лица и груди. Потом подошел к зеркалу и вооружился расческой. По настоянию отца мои волосы были острижены очень коротко: *«Мой сын не должен быть похож на девчонку»*. Мне не разрешили оставить даже что-то вроде бачков: *«Мой сын не должен быть похож на бандита»*. Благодаря отцу у меня на голове вообще было немного волос. Но сейчас те, что остались, спутались и склеились от пота, так что я все-таки их расчесал (убедившись в том, что пробор прямой как лезвие), а потом уложил на лбу небольшой легкомысленный завиток.

После этого я подхватил с тумбочки кошелек, затолкал его в задний карман джинсов и стащил с вешалки в шкафу рубашку с короткими рукавами. Надевал ее я уже по пути вниз.

Расти и Слим ждали на крыльце.

Я застегнул все пуговицы на рубашке, распахнул сетчатую дверь и поинтересовался:

— Куда идем?

— Увидишь, — откликнулась Слим.

Я закрыл за собой дверь и спустился вслед за друзьями с крыльца.

Расти был в старой футболке и синих джинсах. Что-то подобное носили *все*, если только не собирались в церковь или школу. В нашем городе едва ли можно было встретить парня в шортах. Шорты носят только детишки, старперы и девчонки.

Слим была в шортах, сделанных из обрезанных синих джинсов, настолько застиранных, что они стали почти белыми. Растрепанный край плотной ткани превратился в бахрому, которая развевалась вокруг ее бедер. Слим тоже была в футболке, слишком большой для нее, растянутой и незаправленной, так что подол сзади свисал ниже ягодиц. Сквозь тонкую белую ткань просвечивал верх купальника — крохотная тряпочка наподобие бикини, завязывавшаяся сзади на спине и на шее. Слим носила его вместо бюстгалтера. Наверное, потому, что купальник был гораздо удобнее и однозначно практичнее.

Летом мы все чаще всего носили купальные костюмы вместо нижнего белья — никогда не знаешь, когда можешь очутиться у общественного бассейна или на речке... или попадешь под ливень.

Тем утром под джинсами на мне тоже были плавки. Они промокли от пота, пока я стриг газон, и теперь, пока мы с Расти и Слим шли по улице, липли к заду.

— Так что, какой план? — спросил я через какое-то время.

Слим взглянула на меня, приподняв бровь:

— Первый его этап уже выполнен.

— А? — переспросил я.

— Мы освободили тебя из цепей угнетения.

— Нельзя в такой день заниматься *лужайкой*, — объяснил Расти.

— А, ну спасибо, что освободили.

— Не бери в голову, — ответил Расти.

— Не за что, — сказала Слим и похлопала меня по спине.

Это был просто приятельский жест, но у меня от него возникло ощущение восторженной, головокружительной особенности. Этим летом я часто чувствовал что-то подобное, когда находился рядом со Слим. Ей необязательно было меня касаться. Иногда я просто *смотрел* на нее и начинал чувствовать себя странно.

Но я, разумеется, никому об этом не говорил.

— Этап второй, — между тем возвестила Слим. — Мы идем на разведку на поле Янкса.

У меня по спине пробежали мурашки.

— Испугался? — поддразнил Расти.

— Ну конечно. У-у-у, прям дрожу!

Я *действительно* испугался, но не подал виду. Надеюсь.

— Нам *необязательно* туда идти, — сказала Слим.

— Я пойду, — заявил Расти. — А если вы, ребята, трусились, то я пойду один.

— Что такого на поле Янкса? — спросил я.

— Вот что, — ответил Расти.

До этого мы втроем шли вместе, Слим посередине. Теперь Расти обежал нас и пошел рядом со мной. Он вытянул лист бумаги из заднего кармана джинсов и, разворачивая, пояснил:

— Они по всему городу.

По тому, как Расти держал бумагу, мне стало ясно, что он не собирается отдавать ее мне. Это была какая-то афиша или рекламный листок, но Расти слишком сильно ею размахивал, чтобы можно было что-то прочесть. Так что мне пришлось остановиться. Мы все остановились. Слим придвинулась поближе, чтобы тоже посмотреть. Все четыре уголка были оборваны — видимо, Расти оторвал афишу от стены, или дерева, или вроде того.

СТРАНСТВУЮЩИЙ ЦИРК ВАМПИРОВ

Выглядела она так:

Не пропустите!
Единственный на свете ВАМПИР в неволе!

ВАЛЕРИЯ

Великолепная!
Притягательная!
Смертоносная!

Эта ошеломляющая красавица, рожденная среди диких гор Трансильвании, днем спит в гробу, а по ночам пьет кровь путников.

Узрите, как Валерия встает из мертвых!
Станьте свидетелем того, как она накидывается на добровольцев из зала!

Трепещите, пока она погружает клыки в их шеи!
Кричите от ужаса, видя, как она пьет их кровь!

Где: *Поле Янкса, 2 мили к югу от Грендвилля по Третьему шоссе.*

Когда: *Только одно выступление — в пятницу, в полночь.*

Стоимость: *10 долларов.*

(Дети до 18 не допускаются.)

Читая объявление, я несколько раз мотал головой от изумления и восторга и бормотал: «Ну и ну».

Но на последней строчке мое настроение изменилось.

На меня нахлынула тревога, за которой последовала смесь облегчения и разочарования.

В основном облегчения.

— Ну вот, — проворчал я, стараясь выглядеть расстроенным. — Какой облом.

Глава 2

— Облом? — переспросил Расти. — Ты что, не в своем уме? У нас тут странствующий цирк вампиров! Настоящая живая вампирка, прямо здесь, в Грендвилле! И тут сказано, что она *великолепная!* Видишь? Великолепная! Приятная! Ошеломляющая красота! И к тому же — *вампирка!* Ты смотри, смотри, что написано! Она накидывается на добровольцев из зала и кусает их за шею! Она *пьет* их кровь!

— Обалденно, — сказала Слим.

— Было бы обалденно, если бы мы смогли ее *увидеть*, — ответил я, стараясь сохранять мрачный вид. — Но нам ни за что не удастся попасть на выступление.

Сузив глаза, Расти замотал головой:

— Вот почему мы собираемся пойти туда сейчас.

— А-а-а...

Порой, когда Расти выдавал идеи вроде этой, «А-а-а...» было лучшим, что я мог ответить.

— Доходит? — спросил он.

— Наверное.

На самом деле я понятия не имел, о чем он говорит.

— Мы придем на место, — пояснила Слим, — и просто... оглядимся.

— Может, и *ее* увидим, — заметил Расти. Он явно был в восторге.

— Ты губу-то не слишком раскатывай, — предупредила Слим.

— Но ведь *можем*, — настаивал он. — Я просто говорю, она же должна быть где-то там, поблизости. Кто-то же развешивал эти афиши, понимаешь? А выступление уже этой ночью. Сейчас они наверняка там, на поле Янкса, готовятся.

— Скорее всего, — сказала Слим. — Но не слишком рассчитывай на то, что тебе удастся усладить свой взор образом великолепной и завораживающей Валерии.

Расти заморгал, глядя на Слим с легким разочарованием и смущением. Потом перевел взгляд на меня, очевидно, надеясь на поддержку.

Я посмотрел на Слим.

Она приподняла брови и один уголок рта.

От этого дурашливого выражения на ее лице мне захотелось то ли рассмеяться, то ли заплакать. С трудом отведя глаза, я ответил Расти:

— Она же вампир, идиот!

— Что?

— Валерия. Она же вроде как вампир.

— Ну да, и что? — спросил он нетерпеливо, как будто ему хотелось услышать концовку забавной истории.

— А то, что вряд ли мы, пробравшись на поле Янкса, заста-нем ее принимающей солнечные ванны!

— А-а-а...

До него наконец дошло.

Мы со Слим рассмеялись. Расти стоял перед нами с покрасневшим лицом, но все же качал головой и посмеивался. Потом он сказал:

— Значит, она лежит в своем гробике, так?

— Так, — ответили одновременно я и Слим.

Тут Расти рассмеялся во весь голос, и мы присоединились к нему. После этого мы продолжили путь.

Через какое-то время Расти, вырвавшийся вперед на шаг или два, обернулся к нам и заметил:

— Но если серьезно, мы и *вправду* можем застать ее загорающей.

— Ты сдурел? — удивилась Слим.

— *Гольшом!*

— Ну конечно, мечтай.

— Вот и посмотрим.

Нахмурившись, я помотал головой:

— Все, что тебе удастся увидеть в таком случае, — это горстка пепла. И при первом же ветре...

— Друзья мои, вампи-и-и-и-и-рка летит по ветру-у-у-у, — затянула Слим навроде «Питера, Пола и Мэри»¹.

— И даже если она не рассыпается в пыль с первыми лучами солнца, — продолжил я, — она вряд ли стала бы участвовать в шоу вампиров с *загаром*.

— Точно! — поддержала Слим. — Она же должна быть бледной.

— Она может замазывать загар гримом, — пояснил Расти.

— Может быть, — согласилась Слим. — Она, наверное, все равно использует тонны грима, чтобы выглядеть достаточно мертвой. Так что почему бы под ним не быть загару?

— Загару *на всем теле*, — добавил Расти, плотоядно ухмыльнувшись.

— Надо найти тебе девушку, — сказала Слим.

Внезапно я принялся размышлять, как выглядела бы Слим, загорая голышом: она лежит на спине, закинув руки за голову и, прикрыв глаза, подставляет солнцу гладкую золотистую кожу с головы до ног... Мне понравилось воображать ее такой, но одновременно я почувствовал себя виноватым.

Чтобы отвлечься, я спросил:

— Так что Валерия?

— Вот, гляди, — ответила Слим, — здесь написано, что она ошеломляющая.

— Конечно же, именно такая! — подтвердил Расти.

— Ты ее даже еще не видел, — заметил я.

— Без разницы.

— Не верь всему, что читаешь, — сказала ему Слим. — Валерия может оказаться настоящей уродиной, отвратительной каргой.

— А я уверен, что она потрясающая, — уперся Расти. — Просто *обязана* быть!

— Как же, мечтай, — поддразнил я.

— Поспорим? — ухмыляясь так, будто знал какой-то секрет, спросил Расти.

¹ «Питер, Пол и Мэри» (англ. *Peter, Paul and Mary*) — популярное в 1960-х годах американское фолк-трио. Одна из исполненных ими песен *Blowin' in the Wind* (рус. «В дуновении ветра») Боба Дилана.

— Пять баксов на то, что она точно *не великолепная*.

— У меня нет пяти баксов, — нахмурился Расти.

Неудивительно. Родители выдавали Расти всего по два доллара в неделю на карманные расходы, и он их тут же тратил. Мои дела были получше, я получал деньги за выполнение работы по дому, а также помогая соседям по хозяйству.

— Тогда сколько? — спросил я.

— Лучше вообще не спорьте, — перебила Слим. — В итоге кто-нибудь всегда проигрывает...

— Ага, — кивнул Расти. — *Он* проигрывает. Не хочешь поставить со мной?

— Ты совсем сдурел, — отмахнулась Слим.

— Да ладно, ты же всегда при деньгах.

— Это потому, что я не трачу их на глупости.

— Но тут-то дело надежное.

— И с чего ты так уверен? — поинтересовалась Слим.

— Очень просто. Это же Странствующий Цирк Вампиров. А Валерия — это их главная приманка, так?

— Скорее, *единственная*, — встрял я.

— И мы все знаем, что это полный бред, так? В смысле, она такой же вампир, как я. Так что она просто обязана быть великолепной, иначе у них не останется ни одного посетителя. А это значит, что не так уж и страшно, если она поддельный *вампир*. Никто все равно не ожидает увидеть настоящего. Все просто.

— Ну, кто-то, может, и ожидает, — снова встрял я.

— Только если у него половина мозга, — отрезал Расти.

— Ну, я бы не была так уверена, — произнесла Слим.

Мы оба уставились на нее.

— Может быть, вампиры действительно существуют, — предположила Слим с озорным огоньком в глазах.

— Да ладно, — отмахнулся Расти.

— А ты можешь доказать, что не существуют?

— С чего мне это *доказывать*? Все и так знают, что они не существуют.

— Я не знаю, — ответила Слим.

— Ерунда, — Расти повернулся ко мне: — А ты что скажешь, Дуайт?

— Я со Слим.

— Ну разумеется.

— Она умнее нас обоих вместе взятых, — произнес я. И тут же покраснел из-за того, как она на меня посмотрела. — Правда же!

— Не. Я просто много читаю. И хочу оставаться беспристрастной, — она с улыбкой посмотрела на Расти и добавила: — Это особенно легко удастся тем, у кого всего лишь половина мозга.

— Я не имел в виду *тебя*, — начал оправдываться тот. — Но теперь начинаю сомневаться.

— Объясню уж — чтобы облегчить работу *твоему* мозгу. Я не очень-то верю, что Валерия действительно вампир. Я допускаю, что есть минимальная вероятность того, что это правда, но на самом деле это практически невероятно.

— Это другое дело.

— Я также согласна с тем, что, раз уж она не вампир, она *обязана* быть красивой.

— Ну так что, присоединяешься к спору? — расцвел Расти.

— Не выйдет. Вам нужен кто-нибудь, способный здраво и объективно оценить ее и решить, кто выиграл. Лучше всего, если это буду я. Я выберу победителя.

— Отлично, — сказал я.

— Думаю, что сойдет, — согласился Расти.

— Тебе не о чем беспокоиться, — заверила его Слим.

— Ну, ты вечно оказываешься на стороне Дуайта.

— Только когда он прав. А сейчас мне что-то подсказывает, что прав можешь быть *ты*.

— Ну спасибо, — усмехнулся я.

— Но я обещаю, что рассужу честно.

— Я знаю, — согласился я.

— Так что, пари? — спросил меня Расти.

— И сколько же денег ты намерен потерять? — поинтересовался я.

Я был уже не так уверен в том, что выиграю. В том, что сказал Расти, был смысл: если Валерия не настоящий вампир, то она должна быть хотя бы симпатичной, иначе представление не состоялось бы. Но потом я увидел изъян в его рассуждениях.

Валерии не нужно было быть настоящим вампиром, чтобы работать в цирке. Не нужно было быть и восхитительной. Странствующий Цирк Вампиров все равно мог иметь успех — если он был по-настоящему захватывающим и пугающим.

— Давайте спорить не на деньги, — предложила Слим. — Пусть проигравшему придется сделать что-нибудь неприятное.

— Например, поцеловать победителя в зад? — ухмыльнулся Расти.

— Да, что-то вроде того.

— Я не стану целовать твой зад, — хмуро покосился я на него.

— Не обязательно именно это, — успокоила меня Слим.

— Как насчет такого: проигравший целует *ее* зад? — Расти кивнул на Слим. *Ее задницу? Проигравший?*

Лицо Слим пошло красными пятнами:

— Никто не будет целовать *мой* зад! Или что-либо другое, раз уж на то пошло.

— Вот черт, это было моей *следующей* идеей, — вздохнул Расти и рассмеялся. Иногда он становился по-настоящему мерзким.

— Почему бы не отказаться вообще от этой затеи? — предложил я.

— Струсил, — заявил Расти. — Уже понял, что проиграешь.

— Нам, может, даже не удастся ее *увидеть*.

— Если мы ее не увидим, пари отменяется, — сказала Слим.

— Мы все еще *не заключили* пари.

— Я придумал! — выкрикнул Расти. — Победитель плюнет в рот побежденному.

У Слим отвисла челюсть, и она уставилась на него, часто моргая.

— Ты что, больной? — наконец поинтересовалась она.

— А у тебя есть идея получше?

— Да любая идея лучше этой.

— Какая, например? — поддразнил Расти. — Давай послушаем, что *ты* придумаешь.

— Хорошо.

— Ну так что?

Хмурясь, как будто в глубокой задумчивости, Слим несколько раз перевела взгляд с меня на Расти. А потом сказала:

— Ладно. Проигравший сбривает волосы.

В этом случае Расти было что терять. На его голове творилось такое, что Элвис Пресли умер бы от зависти. И он здорово гордился своей прической.

— Ну... не знаю... — затынул он, морща нос.

— Ты же так уверен в победе, — напомнил я.

— Да, но... Не знаю даже... Мои волосы... — он поднял руку и провел по ним. — Я не хочу выглядеть как полный придурок.

— Они отрастут, — утешил я.

— Со временем, — добавила Слим.

— Ладно. Но я ни за что не подпущу *к себе* Дуайта с бритвой в руках!

— Я сама буду брить, — успокоила его Слим.

Услышав это, я внезапно расхотел выигрывать. Я пожелал, чтобы Валерия оказалась самой распрекрасной женщиной на свете.

— Ну так как? — поинтересовалась Слим.

— Я согласен, — тут же ответил я.

По лицу Расти было видно, что он хочет отказаться. Но теперь на кону была честь, и он со вздохом согласился:

— Ладно, пари.